Snave mari mango, turbantibus
aequora ventis,
Eterra alterius magnum
spectare laborem.
Lucreci «De rerum nature»**

♦В этот день в нашем городе прогремела первая в сезоне гроза с коротким ливневым дождем, а раскаты грома по некой аналогии напомнили Николаю Андреяновичу, взявшего по поводу жары и духоты (ведь северной формации человек!) отгул и отдыхавшему в относительной прохладе квартиры, что вслед за 100-летним юбилеем М. А. Шолохова недалеко и 625-летие Куликовской битвы. О чем и мысли его, воспоминания детства и некоторые реалии сегодняшней жизни.

♦С Куликовской битвой Николай Андреянович познакомился еще будучи дошкольником Николкой, когда семья проживала на маяках Кольского залива — в подчинении гидроотдела Северного флота и легендарного Главсевморпути. Познакомился же посредством произведения искусства — копии с известной картины «Утро на Куликовом поле». Эту копию, выписанную маслом в размере оригинала на холсте без рамки, подарил отцу Николки, Андреяну Матвеевичу, его калужский родственник-художник. Подарил еще в первый послевоенный приезд в отпуске бравого моряка-североморца, крепко погуляв по питейным местам Калуги, благо Андреян привез с собой полчемодана денег — ибо в войну на Севере их тратить было негде, вот и скопилось жалованье за четыре года.

Кстати, картина была написана на столь добротном холсте, что и сорок с лишком лет спустя Николай Андреянович наблюдал этот холст в сарае, что при родительском доме в Косолучье. Уже вытерлись и осыпались, потрескавшись, краски, а сама холстина со слабо угадываемым абрисом русских воинов надежно прикрывала участок стены с вывалившейся штукатуркой.

А Николка, с какого возраста он себя помнил, просыпаясь утром, первой видел картину, тогда еще свежеполаченную, что вместо принятого в те годы штампованного коврика с лебедями или шишкинскими медведями, висела на стене в детской комнате.

Поутру, особенно летом, когда солнце через окно заливало стену светом, картина Николке нравилась, воины в шлемах, опоясанные мечами, с подвешенными на согнутых руках щитами казались веселыми, словно маячные мужики перед столь редкой в этих краях «сухого закона» выпивкой. Но вечером, особенно в полярную ночь, при слабом косом свете от кухонной лампочки, что проникал в темную комнату через растворенную дверь, Николка старался, засыпая, поворачиваться к стене спиной. Все нарисованное малоискусной рукой копииста теперь казалось мрачным, пугающим.

Особенно страшил мальца черный лик Христа на развеваемой ветром хоругви, что возвышалась над князем Дмитрием, будущим Донским, с ближними ему воинскими начальниками. Еще его пугал на сон грядущий здоровенный ратник, что встал на одно колено, подбирая с земли уроненный видимо щит, но черные глаза его угрюмо смотрели из-под шлема прямо на Николку. Уже повзрослев, Николка догадался: ратник

---

* Яшин А. А. Живые шахматы: Новые рассказы Николая Андреяновича (Повести, рассказы, эссе).— Тула: Петровская академия наук и искусств. Изд-во «Гриф и К», 2006.— 346 с.

** «Сладко, когда на просторе морском
разыграются ветры,
С твердой земли наблюдать за бедою,
постигшей другого» (Лукреций «О природе вещей», II, 1, 2).

недобро смотрел на приближающуюся из-за дальнего холма татарскую рать, а вовсе не на него, безвинного...

А сколько тревожных, воинственных в своих сюжетах, снов привиделось Николке, насмотревшемуся на ночь на суровых ратников, угрюмо смотрящих на него со слабо высвечиваемой кухонным светом холстины...

♦ И в школе, слушая учителей, вразумляющих детей к отечественной истории, читая учебники в разделах, касающихся знаменитой битвы, Николка постоянно держал в памяти домашнюю картину, по мере школьного взросления постигая историческое значение битвы при речке Непрядве. И сама жизнь как-то пододвигала его к стародавнему сражению. Начать с того, что почти каждое лето из тех восемнадцати, что Николка прожил с семьей на Севере, проводил он, опять же с родителями и братьями, у сестры отца, тетки Настасьи в деревне Дворцы Калужской области — на берегу реки Угры, в том самом месте, где, спустя сто лет после Куликовской битвы, произошло знаменитое угрское противостояние: последний и безуспешный натиск золотоордынцев...

А уже проживая в *Т.* и работая в НПО «Меткость», каждое опять же лето ездил Николай Андреянович окучивать свеклу в подшефный совхоз. Огромное поле на несколько километров полого спускалось к неширокой Непрядве, а за рекою простиралось само Куликово поле с далекой чугунной башней-памятником, еле различимой в мареве жаркого июня.

Тяпает матерый, под сорок лет, инженер-конструктор Николай Андреянович свеклу. Не то что лентяй или работа сверхтяжелая, но нет привычки к монотонным сельхозработам. Что с детских лет не воспитано, то в зрелом возрасте уже не приобретешь, а детство и юность его прошли на скалистых берегах Кольского залива, где нет земли, а только тонкий слой слежалого, как камень, торфа в низинах между сопок. Нет и земледелия.

Жара за тридцать в тени, ни единого дуновения ветерка, голое поле: и свекольное, и Куликово. Вот и конец первой за этот день километровой грядки; а всего в норме их три. Километр пройден, но свекольному полю конца и не видно. Только где-то в самой низине по извилистой ленте ивовых кустов угадывается речка Непрядва. И тем более кажется, что ни на метр не приблизилась еле видная в сизой дымке чугунная башня.

...К середине второй грядки уже кажется нашему северянину-землепашцу: вот здесь, на этом пологом поле оживают фигуры картины на стене детской комнаты. Князь Дмитрий, еще не Донской, на коне, под развевающимся красным стягом, приложив ладонь козырьком ко лбу, всматривается в даль за Непрядвой, где на месте нынешнего чугунного памятника стоит на Красном холме шатер Мамая. Рядом развивается хвостатая хоругвь с темным ликом Христа, а на переднем плане здоровенный ратник преклонил колено, поднимая уроненный щит. А смотрит он прямо в спину Николаю Андреяновичу, спускающемуся с тяпкой в руках к речке Непрядве.

♦ До начала девяностых годов мнение Николая Андреяновича о роли, значении и, так сказать, фактологии Куликовской битвы мало чем отличалось от усвоенной в школе версии. Добро улыбался он политкорректности старых советских фильмов для детей о временах золотоордынского рабства. Поскольку казанские татары вместе со всеми народами СССР строили социализм (крымские же тогда проживали в Казахстане, впрочем, тоже по мере сил и желания продвигались к светлому будущему), а Монголия де-факто считалась советской союзной республикой, которой из Москвы управляет товарищ Юмаджигийн Цеденбал, то в очаровательных фильмах этих слово «монгол» вообще не употреблялось, а татары именовались *тугарами*... Все делалось во благо дружбы и интернационализма.

А как пример политической некорректности в каждом НИИ и КБ рассказывали быль о неком инженере Иванове, что в последний год жизни Леонида Ильича, будучи послан в командировку в Казань на тамошний авиазавод, ничего не придумал лучше, как нехитрые пожитки командированного уложить в полиэтиленовый пакет с рисунком и надписью в честь 600-летия Куликовской битвы. Вернувшись же домой, обижался: в пивной палатке продавец-татарин отказал ему в кружке «жигулевского»... А пакостливые столичные диссиденты тогда же пустили в обиход паскудный анекдот о новом варианте известной пословицы: «Незваный гость *лучше* татарина».

Вот и все о политкорректности и Куликовской битве на начало 90-х годов.

♦ В самом начале горбачевщины, наряду с антиалкогольным психозом и первыми воровскими кооперативами, в толстых литературных журналах, а потом и отдельными книгами, даже собраниями сочинений, начали печатать забытых и совсем новых авторов в части отечественной истории, в том числе касательно Куликовской битвы и вообще ордынской темы. Были изданы труды Л. Н. Гумилева, роман «Память» Чивилихина, известного писателя-историка, наконец, всю читающую интеллигентную публику буквально ошеломил академик-математик А. Т. Фоменко и профессор-историк Г. В. Носовский — оба из МГУ*. Ошеломили тем, что в многочисленных своих книгах почтенные новаторы заново переписали историю Руси, а заодно и всей Европы и Азии. До Америки не дошли, так как там никакой истории и не было.

Следует еще заметить: наряду с этими, зачастую противоречащими друг другу книгами, Николай Андреянович со вниманием прочитал всех классиков отечественной истории: от Михайлы Ломоносова и Татищева до Костомарова и Соловьева, а также полностью сочинения Карамзина, ранее читанные только в отрывках и выдержках — в хрестоматиях.

---

* Сейчас уже издан пятитомник под названием «Антифоменко»; идет серьезная историческая битва...

...И только теперь, в сорок лет отроду, сложилась в голове Николая Андреяновича предельно ясная картина, выросшая от детских впечатлений — созерцания посредственной копии «Утра на Куликовом поле» до осознания роли великой битвы в русской истории. И все это при самой причудливой фактологии, так не похожей на усвоенную в школе. Настолько замысловатую, что даже предположение Фоменко и Носовского о том, что битва произошла вовсе не на Куликовом поле, а при речке Напрудной, что в поле Кулишки, а это центр современной Москвы,— в данном контексте как-то отодвигается на второй план...

♦Во-первых, на момент Куликовской битвы Московская Русь была и оставалась Улусом Джучиевым — составной частью Золотой Орды, то есть русские князья, волжские и сибирские татары были связаны, в числе прочего, военным союзом — это как сейчас НАТО, а ранее Варшавский договор. Во-вторых и в особенных, Мамай был никем иным, как сепаратистом и узурпатором, темником (то есть комдивом — это как Захар Дудаев в первую чеченскую войну), выступившим против законного хана Золотой Орды Тохтамыша — прямого потомка Чингисхана.

Даже школьная история признает: войско Мамая почти не имело в своих рядах... этнических татар; монголов тем более, а состояло из наемных поляков, генуэзцев, бродячих европейских рыцарей, ясов, касогов, сложных по национальному составу крымцев, скорее всего потомков хазар. А спонсировали поход Мамая генуэзцы. А раз сказано «*а*», то само собой напрашивается и «*б*»: «русское» войско Дмитрия Донского состояло из волжских и сибирских татар. Кстати, было много и крещеных татар, а последние называли себя русскими... Фоменко и Носовский, тщательно исследовав и сопоставив наиболее достоверные летописи и вовсе пришли к выводу: Дмитрий Донской, внук Ивана Калиты, — это хан Тохтамыш, а Иван Калита — это знаменитый Батый (!?).

А теперь все становится на свои места: Куликовская битва — главный эпизод междоусобной борьбы в Золотой Орде. Кстати, в знаменитой «Задонщине» русские войска также именуются *ордой*. А инициировавшая эту междоусобицу Генуя — этот всемирный (пока без неоткрытой Америки) купец — имела чисто прагматическую цель: взять под свой контроль Великий шелковый путь.

И еще один существенный момент: кто же так поставил всю историю с ног на голову? — А это Романовы, придя к власти, даже летописи постарались исправить — ради вящей славы новой династии «подрумянили» патриотизмом прежде бывшие века... Точно также поступил и пролеткультовский историк Покровский, переработавший всю историю до 1917-го года в соответствии с указаниями комиссии Луначарского-Крупской. Кстати о Романовых; только из книг русских исторических писателей XIX века, того же Лажечникова и графа Салиаса де Турнемира, Николай Андреянович исправил для себя школьную версию Смутного времени: нижегородское ополчение (опять же наняв казанских татар) освободило Москву от казаков и различного разбойного сброда; поляками же числились только гетманы и комдивы...

Такая вот интересная история; как сказал один афорист-литератор: история — плачь и смейся!

♦Постепенно в голове, неглупой к тому же, Николая Андреяновича все улеглось. Он понимал, что воспитатель царских детей Карамзин писал свою Историю по версии Романовых. Теории Л. Н. Гумилева и Фоменко-Носовского, при всей их экстравагантности, слишком уж рассчитаны на широкую читающую публику, хотя труды их и достойны уважения и понимания. Тем не менее ясно и понятно: к концу XIV века назрела геополитическая необходимость и возможность — на фоне слабеющей Золотой Орды — создания Второй Руси (первая, киевская, исчезла в батыевы времена, которые завершились польским пленением). Четыре *русских* княжества — Литва (самое мощное), Москва, Тверь и Рязань — сцепились в яростной схватке за это первенство, а час от часу умнеющие их князья, каждый по-своему, использовали «старшего брата» — Золотую Орду, а тут еще и сепаратист Мамай... Если в такой ситуации и не было бы Куликовской битвы, то ее стоило выдумать. Возможно, так и было (смотри Фоменко и Л. Н. Гумилева).

И зря мы, потворствуя «европейцам» Романовым, воротим нос от азиатчины. Пронзительно сказал об этом в своем бестселлере начала 80-х годов «Аз и Я» Олжас Сулейменов, потомок половцев и член ЦК комсомола Казахстана: дескать, что вы, русские, все отвергаете свое азиатское прошлое, тянетесь к Европе, которая вас никогда своими не признает, а кочевник-степняк — брат ваш почти единокровный. А в нашем фольклоре и вовсе прямо сказано: плюнь в русского — попадешь в татарина (и наоборот).

Несомненно, что при всей своей запутанности фактов, исторических искажениях, Куликовская битва, где бы она не произошла — в Куркинском районе Тульской области или в московских Кулишах — это наше знамя, символ начала Московской Руси, затем расширившейся до 1/6 части земной суши (сейчас поменьше). И ерничество здесь недопустимо. Но необходима и политкорректность. Ибо сейчас силы мирового зла спят и видят: как устроить из мусульманских республик Поволжья новую Чечню. По всей видимости, здесь спасает нас то, что нефти в Татарии осталось мало. Не было бы счастья, да несчастье помогло...

Умный человек — русский и татарин — просто обязаны, прожив вместе триста лет в Улусе Джучиевом Золотой Орды, а затем полтысячелетия в России, воспринимать дату Куликовской битвы как знаменательную. Но при этом оба должны с осторожностью прислушиваться к зажигательным речам иных ряженых патриотов, явно выполняющих чей-то заказ. Ибо, как сказал один хороший русский поэт, что за тыщу лет уже Россия — «сплошное поле Куликово», а другой предупреждает: «Со всех сторон нагрянули они, иных времен татары и монголы». И спасение от этих иновременников только в едином строю русских, татар и всех остальных ста языков России. Как это было на поле Куликовом, Бородинском поле и в Сталинграде.